

Олег Эстис: «Я — ТОЛЬКО ТАМ»

Статья Марии Михайловой, журнал «Алеф»

Олег Эстис «Полет», 1991

Работы художника Олега Эстиса (1964-1999) всегда с самой первой минуты поражали особым трагикомическим взглядом на окружающий мир. И всякий раз одновременно с улыбкой щемило сердце, когда в журнале или книге попадался его рисунок, его особенный персонаж, словно живущий в каждом из нас, но глубоко сокрытый, ибо более незащищенный.

Первые карикатуры Олег опубликовал уже в 13 лет — в 1977 году, и с тех пор сотни его карикатур и рисунков появились в многочисленных изданиях в России и за рубежом. Его талантливой рукой иллюстрированы десятки детских книг и журналов. Его ирония не насмешлива и не уничижительна, а сострадательна и добра, его рисунок тонок и выразителен, его персонажи, как герои притчи, на все времена...

Последние полтора года жизни Олег жил и работал в Германии, в городе Пиннеберге. Его работы можно найти в постоянной экспозиции Международного музея смеха в Габрово, а также в частных коллекциях и музеях многих стран.

«Вся станковая графика Олега насквозь пронизана ностальгическим, трогательным духом еврейского местечка, — говорит его отец Николай Эстис. — Даже когда его персонажи не совсем еврейские, а чуть-чуть отвлеченные и метафоричные, тем не менее этот дух там проявлен во всем. И когда я смотрю на эти работы, то думаю, что, по логике вещей, их должен был бы нарисовать я или даже мой отец, если бы он был художником. Олег этого местечка уже практически не застал, ведь он ездил к бабушке с дедушкой в 70-е годы и впитывал уже не традиции, а лишь обрывки традиций и интонаций».

Несколько лет назад, размышляя об этих впечатлениях, сам Олег написал: «Национальную принадлежность можно осознавать и трактовать по-разному, и у

каждого будет свой образ еврейского народа, чаще всего — литературный, вторичный. Это может быть образ Шагала или образ Бабея. Мне не пришлось изучать еврейскую культуру. Я скорее приобщился к еврейскому быту и жизни в их чистом виде. Эту жизнь, с очень будничными заботами, с рынком, огородом, курами, я впитал в милом провинциальном Хмельнике в 8-9 лет, будучи совершенно московским мальчиком. И теперь, став взрослым, думаю, что самое интересное и главное в моей жизни — это впечатление от жизни еврейского местечка. Я хотел бы вернуться в ту жизнь. Мне нигде не будет достаточно хорошо, кроме как в том времени и в том доме, которого уже нет, как нет и тех людей...

В Хмельнике был дядя Идл, выбравшийся живым из тех ям, в которых погибло все еврейское население местечка. После войны он жил очень тихо, работал на углу в молочной и ездил на лошади по городу. Дядя Идл знал песни, которые пели в гетто и которые никто никогда не слышал, ибо они в гетто слагались и там же умирали. Это были плачи. Он их помнил и пел на идише. В гетто люди сочиняли, и тут же через день-два все исчезало...

Необязательно самому пережить реальную трагедию, чтобы познать драматизм истории и культуры. Я человек другого поколения, но я чувствую боль дяди Идла. А через его боль — страдание всего народа, всей истории. Также через дядю Идла, через обычную жизнь провинциального городка я ощутил особенности еврейского мира, еврейской жизни. Может быть, я даже стал дядей Идлом, стал домом, в котором мы жили в Хмельнике, — из всего этого где-то глубоко внутри я слеплен.

Человек, для которого еврейская жизнь существует как идея, может себя прекрасно чувствовать в Париже, в Москве, где угодно, я — только там».

Олег Эстис умер в возрасте 35 лет...